

Д.А. МИХАЙЛОВ, Н.М. ТЕРНОВ*
**«СВЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ»:
ИСЛАМ В КАЗАХСТАНСКОМ
НАЦИОНАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ**

Аннотация. В статье исследуется концепт «казахский ислам» в общественно-политической риторике современного Казахстана. Отмечается изменение политики государства в отношении ислама, который постепенно приобретает новые смыслы в меняющихся контекстах национального строительства. Исходя из этого выделяются и анализируются четыре стратегии конструирования «казахского ислама» – государственная, оппозиционная, теологическая, научно-публицистическая, каждая из которых обладает собственным языком и логикой аргументации. Государственная стратегия ориентирована на элиминацию религиозной темы из публичного дискурса, политическая актуализируется в период выборов и служит основой для дискуссии о казахской идентичности, теологическая ориентирована на включение нового концепта в широкий идеологический исламский контекст, научно-публицистическая стремится наполнить традиционную форму казахского ислама модернизационными смыслами. Разделение религиозной и светской областей в повседневной, рутинной деятельности государства и церкви вполне соответствует концепции секуляризации. Однако существующее положение дел меняется, когда речь заходит о максимально обобщенных политических категориях, прежде всего – нации. В пространстве национализма секуля-

* **Михайлов Дмитрий Алексеевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия), e-mail: damihan@yandex.ru; **Тернов Николай Максимович**, научный сотрудник Центра китайского языка, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия), e-mail: ternovnm@yandex.ru

ризация утрачивает силу, порождая смысловые конструкции, которые выглядят абсурдно как с позиций религии, так и с точки зрения государства. Охарактеризованные определения «казахского ислама» показывают, что в рамках нациестроительных практик невозможно рассматривать религиозную и светскую идеологию как конкурентов, преследующих диаметрально противоположные цели. Идеология «казахского ислама» не может быть строго зафиксирована, поскольку таким образом она теряет весь свой консолидирующий потенциал. В результате мы имеем дело с набором противоречивых риторик, которые объединены легитимирующей силой «нации» и «бога». Органичная взаимодополняемость и взаимозаменяемость этих концептов выявляет сложную и динамичную связь религии и национализма в продвижении и легитимации смысла существования казахстанского государства.

Ключевые слова: Казахстан; ислам; казахский ислам; национальное строительство; национальная идентичность; секуляризм; секулярный ислам.

Для цитирования: Михайлов Д.А., Тернов Н.М. «Светская религия»: ислам в казахстанском национальном строительстве // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 246–268. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.12>

Введение

Социальные изменения, последовавшие за распадом Советского Союза, стали вызовом для сообщества гуманитариев и обществоведов и открыли новые горизонты исследований социальных и политических процессов. Одним из активно разрабатываемых направлений стала проблема государственного строительства и формирования национальной идентичности. Появление новых независимых государств сопровождалось активным нациестроительством. При этом политическая идеология должна была работать с особенной силой не только для того, чтобы утвердить новые сообщества в новых границах, но и для того, чтобы сформулировать новые принципы социальной солидарности в новых социальных и экономических реалиях. Национальные интеллектуалы разрабатывали различные проекты нового сообщества, которые позволили бы сформировать чувство национального единства, усилить легитимность новой политической единицы, гармонично позиционируя ее в международном контексте.

Для обеспечения легитимности государствам, возникшим на постсоветском пространстве, было явно недостаточно просто провести физическую границу с Россией. Утверждение суверенитета развернулось прежде всего вокруг символического разграничения. «Почему мы не Россия» становится ключевой темой идеологического становления новых государств еще и потому, что им было

необходимо завоевать сердца и умы значительного русскоязычного населения.

Естественным следствием политики идеологического противопоставления советскому наследию в постсоветских республиках стал интерес к дореволюционной культуре. Центральной темой национального строительства, чьи истоки легко прослеживаются еще в годы перестройки, становится идея «духовного возрождения». Чаще всего под этим подразумевалось обращение к традиционным формам культуры, прежде всего религии. Это обстоятельство, наряду с разочарованием в «демократическом транзите», стало поводом для обсуждения «демодернизации» постсоветских стран, которая в том числе обозначает и возврат к «домодерновым» формам коллективной идентичности [Минаков, 2014; Эткин, Минаков, 2018].

Ислам быстро занял центральное место в дискурсе казахстанского возрождения и стал важной частью национального идентифицирования. Однако канонический образ ислама со временем стал играть против казахстанского суверенитета, размывая национальную идентичность, ограничивая тем самым консолидирующий и мобилизационный потенциал государственной идеологии. В связи с этим наметилась стратегия национализации ислама, ключевым механизмом реализации этой стратегии стало формирование образа «другого» ислама.

Проблема соотношения религии и национального строительства активно обсуждается в современной литературе. На протяжении большей части своей истории общественные науки считали секуляризм естественной предпосылкой современного государства. Секуляризм как процесс урегулирования отношений между религией и политикой подразумевал аналитическое и нормативное отделение одного от другого. Однако современное изучение практик национального строительства заставляет трактовать взаимоотношения религии и политики как дискурсивно взаимопроникающие [Baumgart-Ochse, 2014; Sturm, 2017].

Все разнообразие подходов к анализу взаимосвязи между религией и национализмом Роджерс Брубейкер объединил в четыре типа [Brubaker, 2012]. Первый, исходя из структурного и функционального сходства религии и национализма, рассматривает их как явления одного порядка, наряду с этнической или расовой принадлежностью. Второй подход анализирует религию как пред-

посылку национализма. Третий рассматривает национализм и религию как общее и частное, соответственно религиозный национализм понимается как один из типов национализма. Четвертый подход рассматривает религиозный и светский национализм в глубокой взаимосвязи, которая проявляется как в полном совпадении религиозных и национальных границ, так и в снабжении религией национализма языком и образами, которые являются центральными для дискурсивного и иконического представления нации. При этом, как отмечает Брубейкер, сама метафора переплетения подразумевает различие между переплетенными нитями. Даже когда языки религии и национализма переплетаются, фундаментальные онтологии и структурные основания могут принципиально различаться, поэтому исследовательский поиск может быть в равной степени продуктивен как в отношении дискурсивного переплетения, так и в отношении их фундаментальных различий [Brubaker, 2012, p. 16].

В центре внимания данной статьи находится проблема политического обоснования локального сообщества – нации – средствами глобальной идеологии – ислама. Ведь с позиций национализма политическое сообщество всегда будет воображаться «принципиально ограниченным» [Anderson, 2006, p. 6], в то время как одной из ключевых характеристик ислама является прозелитизм. Цель нашей работы – на основе точек зрения лидеров общественного мнения Казахстана, которые декларировались в материалах СМИ, социальных сетях и научных работах, проанализировать способы совмещения религиозной и национальной стратегий репрезентации казахстанской нации в процессе конструирования концепта «казахский ислам». В связи с этим нами рассматриваются четыре ключевых пути легитимации «казахского ислама»: во-первых, государственная политика; во-вторых, политическая риторика оппозиции; в-третьих, теологические обоснования Духовного управления мусульман Казахстана; в-четвертых, научно-популярное творчество казахстанских интеллектуалов.

Эволюция государственной политики в отношении ислама

По разным оценкам, мусульмане составляют более половины всех верующих в Казахстане [Ценности казахстанского обще-

ства ..., 2019, с. 21]. Стоит отметить, что большая часть отождествляющих себя с исламом не выполняют обрядов, предписанных каноническим исламом [там же, с. 22]. По сравнению с другими государствами, в которых распространен ислам, верующие Казахстана отличаются тем, что противостоят политическим проявлениям религии и слабо поддерживают законы шариата, смертную казнь за вероотступничество и телесные наказания [Cornell, Starr, Tucker, 2018, p. 8–9]. Религиозность казахстанцев проявляется в участии в ритуалах жизненного цикла, приверженности ценностям и социальным нравам казахских общин, а также в участии в общинных праздниках [Omeličeva, 2011, p. 243]. Хотя главные политические лидеры не замечены в активном участии в религиозных церемониях, целенаправленная государственная политика отчетливо проявляется в популяризации этических принципов ислама, строительстве мечетей [ibid., p. 244], культивировании национальных героев, в частности одним из общенациональных объектов почитания стал «проповедник ислама в степи» Ахмед Ясави [Халид, 2010, с. 189].

Как уже отмечалось, с самого образования независимого Казахстана «исламское возрождение» институционализировалось посредством не только религиозных, но и экономических и политических институтов, и его социальная функция в общественном пространстве после провозглашения независимости только усиливалась [Malik, 2019].

Однако уже к середине 1990-х годов становится очевидно, что размещение ислама в центре культурной идентичности автоматически превращает Казахстан в периферию мусульманской уммы. Центр лояльности исповедующих ислам, в том числе иногда и политической, оказывается далеко за пределами государства. Прозелитический характер ислама и, прежде всего, арабский язык как основа богослужений влияют на то, что верующие легко попадают под авторитет проповедников из признанных центров мусульманского мира. Другим следствием политики «возрождения» стало усиление влияния со стороны хорошо финансируемого «иностранного ислама», который, в частности, проникал из Турции в виде организации учений Саид Нурси и Фетхуллага Гюлена, чья пропагандистская деятельность до недавнего времени осуществлялась через турецкие лицеи и газету Zaman [Omeličeva, 2011, p. 248].

Это не могло не вызывать у казахстанских властей беспокойство, которое усилилось в связи с обострением в мировой политике угроз терроризма. Для Казахстана образцом политики в отношении экстремизма стал столкнувшийся с этой проблемой ранее и в большей степени Узбекистан. С этим связано появление в 1993 г. Закона «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», который запрещает «образование партий и иных политических формирований религиозного характера, а также участие религиозных объединений в деятельности политических партий или оказание им финансовой помощи».

В полный рост проблема экстремизма обозначилась с появлением в Казахстане в конце 1990-х годов представителей Хизб ут-Тахрир – международного исламского движения, целью которого является объединение мусульман по всему миру в единый халифат. Ее деятельность обладала серьезным потенциалом интегративных коллективных действий [Karagiannis, 2007]. Хотя организация была официально запрещена только в октябре 2004 г., она все время находилась под жестким контролем и регулярно подвергалась преследованиям. Параллельно правительство стремилось установить контроль над религиозным образованием и мечетями. В частности, в создании Египетского университета исламской культуры Нур-Мубарак – единственного института исламского образования в стране – отчетливо прослеживается попытка установления государственного контроля за содержанием исламского образования в стране [Халид, 2010, с. 189]. Политика сдерживания развития различных течений ислама, и в первую очередь экстремистского толка, также проявляется в действовавшем (до 2017 г.) запрете на молельные комнаты и на ношение атрибутов, характерных для деструктивных религиозных течений.

Поскольку в сознании значительной части населения ислам стал неотъемлемой частью национальной идентификации, перед государством возникла задача отделить от него неудобные идеологические элементы, сохранив в содержании общие черты религии. В смысловом плане дистанцирование было необходимо в отношении трех идеологических элементов: ортодоксального ислама, что подразумевало включение Казахстана в круг арабской культуры; влияния иностранных государств; экстремистских проявлений, которые угрожают гражданам непосредственно. Во всех этих контекстах образ ислама играл против казахстанского суверенитета, размы-

вал национальную идентичность, ограничивал консолидирующий и мобилизационный потенциал государственной идеологии. Именно это послужило причиной возникновения в общественно-политическом дискурсе Казахстана идеологемы «казахский ислам».

Таким образом, для взаимоотношений государства и ислама в Казахстане характерна очевидная двойственность: с одной стороны, всемерная поддержка и признание, с другой – преследования и попытки взять под полный контроль [Yemelianova, 2013; Malik, 2019]. Различая в секулярной политике пять форм – от слияния политических и духовных сфер до их резкого разделения, как это было в СССР, авторы исследования «Религия и секулярное государство в Казахстане» считают, что Казахстан принял французскую – скептически-изоляционистскую модель государственной политики в отношении религии, задействуя при этом модель «доминирующей религии» [Cornell, Starr, Tucker, 2018, p. 90]. В целом мы можем выделить следующую последовательность в развитии государственной политики в отношении ислама: сначала активная пропаганда и распространение, затем резкое отторжение и репрессии и, наконец, на современном этапе контроль и осторожная идеологическая трансформация, которая, в частности, нашла выражение в конструировании концепта «казахский ислам».

«Казахский ислам» в дискурсе безопасности

В силу особенностей политического режима в современном Казахстане политическое пространство сильно ограничено, а стратегическая государственная политика в основном артикулируется первыми лицами. Изучение публикаций и выступлений бывшего президента Н.А. Назарбаева дает основание утверждать, что в целом тема религии является для него периферийной. В программном труде «Эра независимости» он дистанцируется от конкретной религии и подчеркивает принципиальность выбора светского развития Казахстана: «В стране вырабатывается особая казахстанская модель государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, основанная на историко-культурном наследии, укреплении светских устоев государства, межконфессиональном

согласии и неприятию экстремизма»¹. При этом светское определяется Назарбаевым как «прогрессивное, миролюбивое, толерантное, открытое»².

Эти характеристики Н.А. Назарбаев распространяет на понятие «казахский ислам». В интервью для телефильма «Глава государства» он трактует национальную религию в актуальных политических категориях «толерантность», «терпимость» и, желая подчеркнуть разрыв с одиозными формами религиозности, даже характеризует ее как «светскую». С содержательной точки зрения Назарбаев в качестве отличия казахского ислама упоминает культ предков: «Да, Коран говорит, что поклоняться нужно только Аллаху. Но мы, будучи мусульманами, поклоняемся духам, помня семь поколений своих предков»³.

Вне зависимости от того, как определяются национальные религиозные практики, ключевым средством идентификации является различие «казахского ислама» и традиционного. Комментируя проблему ношения хиджаба, Назарбаев ссылается на «нашу религию», которая традиционно свойственна казахстанцам и которая противопоставит «навязанной» внешними силами: «У нас никогда такого не было в истории, наша религия не имела такой традиции. Нужно уметь отличать истинную религию от навязанной нам»⁴.

Именно в контексте безопасности находящаяся на периферии политической риторики Казахстана тема религии возникает в период выборов. Оппозиционные деятели, рассуждая в рамках противопоставления «традиционный ислам – ислам», фактически воспроизводят официальную идею о синкретизме ислама и традиций казахов и противопоставляют ее радикальным религиозным практикам. Однако в контексте политического противостояния разворачивают эту оппозицию против власти.

¹ Назарбаев Н.А. Эра независимости. – Астана, 2017. – С. 427–429. – Режим доступа: <https://presidentlibrary.kz/ru/content/nazarbaev-n-era-nezavisimosti> (дата посещения: 13.08.2020).

² Там же. С. 427.

³ Назарбаев заявил о существовании «казахского ислама» // IslamToday – all about muslim world. – 2016. – Режим доступа: <https://islam-today.ru/novosti/2016/06/30/nazarbaev-zaavil-o-susestvovanii-kazahskogo-islama> (дата посещения: 20.04.2020).

⁴ У Назарбаева своя «версия» Ислама // АНСАР. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ansar.ru/rfsng/u-nazarbaeva-svoya-versiya-islama> (дата посещения: 20.04.2020).

В частности, кандидат в президенты Амиржан Косанов соглашается с практикой ужесточения законодательства в религиозной сфере, связывая выход из ситуации с появлением цивилизованного духовенства, мусульманских лидеров, «которые будут президента или даже премьер-министра ставить выше Корана», Косанов фактически секуляризирует центральный объект религии – место Корана занимает государство¹.

Схожую идею подмены божественного национальным можно разглядеть и в высказываниях политолога Расул Жумалы. Его беспокоит, что в обществе утверждается мнение, что «казахстанский исторический ислам менее значим, менее истинен и менее оригинален, чем в других мусульманских странах»². Соответственно Жумалы стремится показать, что у «казахского ислама» есть целый ряд преимуществ, где главное – принятие во внимание вековых традиций казахского народа.

Тему безопасности развивает доктор исторических наук, сотрудник КазНУ им. Аль-Фараби Азимбай Гали, который также подчеркивает опасность внешнего влияния: «Традиционные казахские представления об исламе заменяются иными представлениями... на его место (“казахской” версии ислама) приходит арабомусульманский ислам. Ислам у нас в Казахстане арабизируется»³. Известный общественник Мухтар Тайжан, бывший сотрудник агентства по стратегическому планированию РК и Администрации президента, акцентирует внимание на том, что излишний догматизм в вопросе определения веры казахов является попыткой их архаизации⁴. Если исламисты будут вмешиваться в политику, отмечает Тайжан, то они превратят Казахстан в Халифат. Он приводит в

¹ Центральная Азия: исламизация неизбежна? // Центр-1: Новости, аналитика и мнения из Центральной Азии. – 2017. – Режим доступа: <https://centre1.com/kazakhstan/tsentralnaya-aziya-islamizatsiya-neizbezhna/> (дата посещения: 20.04.2020).

² *Адамова Г.* Расул Жумалы: Роль религии в Казахстане, особенно ислама, будет усиливаться // Медина: Издательский дом, 2013. – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/medina/?5599> (дата посещения: 20.04.2020).

³ *Гали А.* Нужно канонизировать и кодифицировать казахский ислам // Альтынорда. – 2014. – Режим доступа: <https://www.altyn-orda.kz/azimbaj-gali-nuzhno-kanonizirovat-i-kodifitsirovat-kazaxskij-islam/> (дата посещения: 20.04.2020).

⁴ *Тайжан М.* Почему бы суры из Корана не читать на казахском? // Тотал. – 2019. – Режим доступа: https://total.kz/ru/news/zhizn/muhtar_taizhan_pochemu_bi_suri_iz_korana_ne_chitat_na_kazahskom_date_2019_11_19_12_59_16 (дата посещения: 20.04.2020).

пример такие государства, как Саудовская Аравия, Афганистан, Сирия, и задает вопрос: «Готовы ли мы к этому?»¹. Еще более широко ставит вопрос известный казахстанский политолог Айдос Сарым: «Исламизм становится глобальной альтернативой, как в свое время фашизм, как либерализм. И когда нас, условно говоря, будут жечь на кострах, мы будем думать: почему мы тогда не реагировали?»²

Можно сделать вывод, что власти Казахстана не ставят целью акцентировать внимание общественности на этом вопросе, очевидно сомневаясь в достаточности символических ресурсов для его полного контроля. Однако в политической сфере вопрос регулярно возникает в контексте проблемы безопасности. Представителями оппозиции идея внешней угрозы, утраты национальной идентичности используется для подспудной критики правительства и мобилизации протестного электората. При этом для того, чтобы сделать религию инструментом национальной консолидации, из ислама изымается его прозелитическая сущность путем замены божественного на национальное.

Теологические обоснования «казахского ислама»

Хотя в современных условиях исламские организации проявляют известную гибкость, для характеристики которой даже используется понятие «исламистский плюрализм» [см.: Кудряшова, 2017, с. 355], идея «казахского ислама» как отличного от ортодоксального была неоднозначно воспринята Духовным управлением мусульман Казахстана (далее – ДУМК). Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК) является муфтиятом. В начале 1990-х годов Мусульманское Духовное управление Центральной Азии и Казахстана было разделено на отдельные советы. Каждый из них находится под контролем своего правительства и выполняет важные функции: назначение и регистрация имамов, регистрация мечетей и мониторинг рели-

¹ Вы готовы стать халифатским государством – Мухтар Тайжан о выступлениях Мухамеджана Тазабека // Ужгород TOP. – 2019. – Режим доступа: <https://cutt.ly/Fr7s8Ih> (дата посещения: 20.04.2020).

² Центральная Азия: исламизация неизбежна? // Центр-1: Новости, аналитика и мнения из Центральной Азии. – 2017. – Режим доступа: <https://centre1.com/kazakhstan/tsentralnaya-aziya-islamizatsiya-neizbezhna> / (дата посещения: 20.04.2020).

гиозных практик. ДУМК ответственен за интеграцию мусульманского духовенства, а также за интеграцию его учреждений.

Несмотря на отрицание «казахского ислама», ДУМК, которое подчиняется Министерству информации и общественного развития РК, целиком ориентируется на установки государства: соблюдение местных традиций, веротерпимость, толерантность. На официальном веб-портале об истории Казахстана «e-history», поддерживаемом Министерством информации и коммуникации РК, даны следующие характеристики ДУМК: «ДУМК следует установлениям суннизма ханафитского мазхаба. Эта правовая система в исламе отличается своей толерантностью»¹. Таким образом, по сути, «казахский ислам» на языке ДУМК совпадает с «суннизмом ханафитского мазхаба».

По мнению ДУМК, идея «казахского ислама» должна стать отпором экстремистским течениям и террористической пропаганде, благоприятной почвой для которой является традиционный ислам: «Агитация казахов за классический ислам – путь к ваххабизму»². Схожих взглядов придерживается и занимавший пост верховного муфтия до 7 февраля 2020 г. Серикбай Кажы Ораз. Примечательно, что здесь казахская версия ислама находится в единении не с уммой как таковой, а с мусульманами Евразии, причем основой для этого единения должен быть именно суннизм ханафитского мазхаба: «Для достойного ответа современным вызовам, профилактики и предупреждения религиозного экстремизма, исходя из суннизма ханафитского мазхаба на евразийском пространстве, предлагаем разработать концепцию духовного единения мусульман Евразии на следующей основе: наладить широкий диалог по выработке новых методов безопасности и развития, в основе которых должны быть принципы терпения и толерантности, сотрудничества и взаимопонимания»³. Эксперты пресс-клуба «Со-

¹ Ислам в Казахстане // Qazaqstan tarihy. – 2013. – Режим доступа: <https://e-history.kz/ru/contents/view/485> (дата посещения: 20.04.2020).

² Алёхова А. Казахский ислам не нравится многим даже внутри Казахстана // 365 INFO.KZ. – 2016. – Режим доступа: <https://365info.kz/2016/11/kazahiprogoveduyut-neklassicheskiy-islam-religioved> (дата посещения: 20.04.2020).

³ Шайхинов Б. Верховный муфтий Казахстана рассказал, как противостоять экстремизму // Sputnik Kazakhstan. – 2018. – Режим доступа: <https://ru.sputniknews.kz/society/20180302/4775507/muftiy-kazakhstan-extremizm-protivostoyaniye.html> (дата посещения: 20.04.2020).

дружество» в интервью популярному информационному агентству «365 info» круг неконфликтующих мусульман заметно сужают, выделяя уже не весь Евразийский континент, а лишь часть постсоветского пространства, в частности тюркоязычные народы. При этом догматико-философские составляющие ислама разделяются на тахавитское вероучение и матуридитское, первое описывается как «другое» – агрессивное, в то время как матуридитское является более нейтральным и приемлемым. Негативные характеристики «другого ислама» проецируются во внешнюю политику и артикулируются в геополитических терминах: «Большинство тюркоязычных народов – казахи, кыргызы, узбеки, татары – все матуридиты. А вот на юг от Центральной Азии находятся также ханафиты, но уже тахавиты. Это и Пакистан, и Саудовская Аравия»¹.

Важным направлением идеологической работы ДУМК стала реабилитация средневекового суфийского поэта и мистика Ахмада Ясави и названного в его честь суфийского ордена Ясавийя. Как уже отмечалось, в постсоветском Казахстане интерпретации трудов Ахмада Ясави легли в основу модели идеального современного гражданина [Louw, 2007, p. 49–50]. При этом мистическая составляющая учения преуменьшается, а на первый план выдвигаются светскость, толерантность и гуманизм.

В свою очередь, «другой ислам» в риторике ДУМК не только выступает как почва для радикализации, но и как несвойственный для казахов набор религиозных практик, отрицающий культурное наследие, культы и обряды. В риторике религиозных деятелей, так же, как и в риторике политиков, происходит секуляризация религиозного центра лояльности, который заменяется государством. В частности, отмечается, что в отличие от традиционного, казахская версия ислама не оказывает влияния на процесс принятия политических решений, ей свойственна лояльность государству. Если в классическом исламе одна из главенствующих ролей в контексте взаимодействия человека и общества отводится умме, то в «казахском исламе» она передается государству. «Самое главное, будьте детьми не одной семьи, а всего государства. Будь полезным сначала себе, потом своим родным и своей Роди-

¹ Салафиты не дремлют: Казахстану нужно срочно готовить духовников // 365 INFO.KZ. – 2018. – Режим доступа: <https://365info.kz/2018/08/salafity-ne-dremlyut-kazhastanu-nuzhno-srochno-gotovit-duhovnikov> (дата посещения: 20.04.2020).

не», – говорит председатель ДУМК, верховный муфтий Серикбай Кажы Ораз¹.

Еще одна важная светская составляющая «казахского ислама» – апелляция к гуманизму – также упоминается в контексте государственной политики: «Сегодня перед мусульманской уммой стоит задача не только сохранения, но и духовного возрождения гуманистических традиций прошлого, избавления от догматизма, радикализма и тем более – экстремизма в любых их проявлениях», – сказал Верховный муфтий Казахстана². Следует отметить, что идея гармоничного сочетания в системе управления демократических ценностей и религиозных принципов характерна для государств с преобладающим мусульманским населением в целом [Esposito, 1998, p. 20].

Однако проблема в том, что идея «казахского ислама» оказывается неэффективной в диалоге с радикально настроенными верующими, т.е. с людьми, глубоко вовлеченными в теологические тонкости. Сотни лекторов ДУМК ежегодно проводят коллективные и личные встречи, в которые вовлечены тысячи человек. Если идея «казахского ислама» подразумевает противопоставление ортодоксальному как связанному с экстремизмом и иностранным влиянием, то в наставлениях радикалов ставка делается на отличия радикального ислама от традиционного. Для многих мусульман секуляризм имеет негативные коннотации, поскольку трактуется как эквивалент нерелигии или антирелигии [Saeed, 2017]. Ссылка на глубокую традицию в глазах сильно вовлеченных в религиозные практики граждан обладает куда большим авторитетом, чем прогосударственные теологические новеллы. Это противоречие не проходит мимо простых казахстанцев. Показателен вопрос пользователя в обсуждении статьи о деятельности

¹ Верховный муфтий: Лучшие из молодежи – наиболее полезные обществу // KAZISLAM.KZ. – 2019. – Режим доступа: <https://cutt.ly/Dr7Vtyv> (дата посещения: 20.04.2020).

² Пресс-служба СМР. В столице Республики Казахстан состоялась Международная научно-богословская конференция «Духовный Шелковый путь. Ислам и молодежь: вызовы современности» // Совет муфтиев России. – 2019. – Режим доступа: <https://www.muslim.ru/articles/279/23680/> (дата посещения: 20.04.2020).

ДУМК: «Как понять традиционный ислам?! У каждой нации есть свои традиции и это значит: у каждой нации свой ислам?»¹.

«Казахский ислам» и модернизация

Роль традиции в модернизационных процессах подробно рассмотрена этносимволистами Энтони Смитом и Джоном Хатчинсоном. В частности, ими подчеркивается роль интеллектуалов в формулировании новой для общества повестки на привычном для широких масс языке [см.: Михайлов, 2014, с. 70–71]. Начало осмысления идей прогресса и национального государства в Центральной Азии связано с творчеством группы интеллектуалов начала XX в. под названием *джадиды*, которые стремились реформировать ислам и мусульманские традиции в духе нового времени [Khalid, 2003, p. 575]. Идея прогресса занимает важное место и в концептуальных идеологических построениях казахстанских властей, однако необходимость вовлечения в этот процесс населения республики заставляет постоянно обращаться к теме традиций. Тема модернизации актуализируется во многих аспектах религиозной политики: от строительства в Астане современной, оснащенной солнечными батареями экомечети до попыток применить к религиозному образованию стандарты непрерывного образования – «мектеб – медресе – университет», «магистр – PhD – докторантура – постдокторантура», неформальное образование «через всю жизнь» [Модели исламского образования ..., с. 5].

Сочетание модернизационной и традиционалистской риторики – характерная черта нациестроительной риторики Н.А. Назарбаева: «Первое условие модернизации нового типа – это сохранение своей культуры, собственного национального кода... История и национальные традиции должны быть обязательно учтены. Это

¹ *Ашимов А.* Духовное управление мусульман Казахстана отчиталось о своих достижениях 2018 года // Каравансарай. – 2019. – Режим доступа: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/01/09/feature-01 (дата посещения: 20.04.2020).

платформа, соединяющая горизонты прошлого, настоящего и будущего»¹.

Проблема модернизации автоматически актуализирует дихотомию Запад – Восток, в которой «казахский ислам» рассматривается как фактор вестернизации, а традиционный ислам соответственно ориентализируется.

К уже приведенным примерам трактовок традиционного ислама, как орудия стран Востока, можно привести рассуждения известного политолога Азимбай Гали, который конструирует образ «другого ислама» как религии, несущей деструктивный характер для общества и государства в целом, а примат национального языка, традиций и культуры над религиозными постулатами считает характерной чертой казахстанской идентичности: «Казахи с негодованием относятся к идее отказа от своего национального языка, традиций и культуры в угоду ваххабитским постулатам». В интерпретации Гали «другой ислам» и его колыбель – арабский мир – отождествляются с отсталостью и конфликтностью: «А какая нам польза от такого радикального ваххабизма? И что вообще нового и передового несет в себе арабский мир, раздираемый сегодня на куски тысячами противоречий, народу Казахстана?»².

Аналогичные ассоциации присутствуют и в выступлениях президента Касым-Жомарт Токаева: «Сегодня многие мусульманские государства испытывают трудности, связанные с нищетой, неграмотностью населения, отсталостью здравоохранения, сложной демографической ситуацией, террористическими угрозами, незаконным оборотом наркотиков и коррупцией». Этому он противопоставляет идею «просвещенного ислама»³.

В этом отношении показательны попытки описывать религиозные практики «казахского ислама» языком актуальной политики,

¹ Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2017. – Режим доступа: <https://cutt.ly/pr735Xb> (дата посещения: 20.04.2020).

² Русский ислам. Куда исчезли в Казахстане ваххабиты? // Алтынорда. – 2018. – Режим доступа: <https://www.altyn-orda.kz/russkij-islam-kuda-ischezli-v-kazahstane-vahhabity> (дата посещения: 20.04.2020).

³ *Сатаева А.* «Мы хотим иметь просвещенный ислам». Токаев обратился к мусульманским ученым // Tengrinews. – 2018. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/myi-hotim-imet-prosveshchennyiy-islam-tokaev-obratilsya-338950/ (дата посещения: 20.04.2020).

противопоставляя либеральность и патриотизм «своего ислама» до-модерновым формам «другого ислама». Ключевыми критериями для создания системы различий и эквивалентности становятся такие параметры, как «терпимость», «адаптация к традициям», и, как мы уже отмечали, даже «светскость».

Например, ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Еркин Байдаров считает, что если в исламе экстремистского толка на первый план выдвигаются идеи защиты своей веры, халифата, то в казахском исламе верховенство отдается моральной жизни «по совести», «защите страны». С его точки зрения, такой ислам формируется на «основе либеральных ценностей»¹.

Большую работу по теоретическому обоснованию модернизированного ислама ведет академическое сообщество Казахстана. Одним из направлений творчества казахстанских гуманитариев стала разработка концепции «евроислама», которая, в том числе, направлена на осмысление «со-творческого бытия мусульманского и западного жизненно-культурных миров» [Евроислам, 2013, с. 4]. Коллектив авторов Института философии, политологии и религиоведения комитета науки министерства образования и науки Республики Казахстан конструирует и преодолевает сразу два барьера: скепсис Запада в отношении ислама и чуждость самой повестки ислама казахстанской культуре.

С одной стороны, их не устраивает политизация исламского фактора, его алармистские характеристики на Западе. Для того чтобы включить «казахский ислам» в европейский контекст, авторы используют понятия «диалога»: «Взаимодействие и взаимодополнительность Ислама и Запада представляется весьма актуальной для определения феномена “казахстанский ислам”, в связи с чем, необходима интерпретация “казахского ислама” и “казахстанского евразийства” с позиций современных диалогических установок» [там же, с. 23].

С другой стороны, критикуются «попытки деконструировать толерантную религиозную атмосферу общества» за счет продвижения «чуждых религиозных доктрин». Характеристика причин этих

¹ *Жанузаков А.* Традиционный ислам – преграда радикализму – эксперт // 365 INFO.KZ. – 2018. – Режим доступа: <https://365info.kz/2018/12/traditsionnyj-islam-pregrada-radikalizmu-ekspert> (дата посещения: 20.04.2020).

чуждых «вторжений» в религиозное сознание казахстанцев позволяет составить представление о его содержании. Во-первых, это уже не раз упомянутые иностранные миссионеры. Во-вторых, советское наследие, которое целенаправленно разрушало религиозные традиции. В-третьих, «этнические трактовки» ислама [Евроислам, 2013, с. 7]. Последняя причина указывает на еще одно противоречие, с которым сталкивается национальная идеология. По сути, это попытка изъять этническую составляющую из концепции «казахского ислама», который изначально трактуется как продукт традиций казахов. Причина таких противоречий, очевидно, связана с тем, что включение религиозной доктрины в национальное строительство в поликультурном сообществе провоцирует внутренний конфликт: популяризация «казахского ислама» на фоне усиливающейся языковой казахизации общественной сферы вызывает недовольство меньшинств, прежде всего, русскоязычного. В связи с этим авторы пытаются провести жесткую границу между «духовно-нравственным» и политическим дискурсами: «Ислам – это религия, а политика – это политика» [там же, с. 14]. Это утверждение распространено в концепции «секулярного ислама», в рамках которой, в частности, отрицается идея противопоставления ислама и светскости, поскольку Коран обращается к мусульманам как к личностям и сообществам, не упоминая идею государства, не говоря уже о том, чтобы предписывать ему конкретную форму. Более того, отсюда следует, что светское государство более соответствует сущности шариата и истории исламских сообществ, чем ложная и контрпродуктивная идея «Исламского государства» или попытки применения законов шариата в качестве законов государства [Abdullahi, 2008, p. 267–268].

Таким образом, мы видим, что попытки вести диалог «на равных» с европейской культурой, отгородиться от стереотипизированного образа «отсталого Востока» и в то же время обеспечить национальный проект традиционалистской идеологической основой строятся на совмещении религиозного и светского языков, которые при артикуляции национальной идеологии переплетаются до неразличимости.

Заключение

В моделировании национального строительства на постсоветском пространстве особенно важными оказались внешние факторы. В начале 1990-х годов бывшие советские республики в одно мгновение оказались в новой геополитической реальности, конфигурация которой во многом определила траектории их идеологической самоорганизации. Однако национальное строительство – это перманентный процесс, который не исчерпывается актом манифестации нового субъекта. Идеологическое позиционирование государств представляет собою непрекращающийся процесс конструирования образа нации, отвечающего вызовам политической конъюнктуры. За почти 30 лет независимости стремительно изменялись как региональный, так и глобальный контексты. Быстрые трансформации творчески перерабатывались, порождая новые идеологические концепты, сталкивая и синтезируя нациестроительные нарративы.

Поскольку таким образом национальная идеология не может быть ни окончательно сформулирована, ни завершена, единство сообщества будет обеспечиваться текущей политической риторикой, которая оперативно реагирует на внешнеполитическую и внутривнутриполитическую конъюнктуру, зачастую порождая взаимоисключающие положения. Противоречивость охарактеризованных нами идеологических стратегий продвижения «казахского ислама» компенсируется тем, что они направлены на разные аудитории и функционируют в различных спектрах и горизонтах казахстанского общества.

Казахстанские государственные служащие, выполняя бюрократические функции, не используют язык ислама и не руководствуются религиозными догмами, так же, как и мулла в ходе богослужения обычно не апеллирует к светским нормам. Разделение религиозной и светской областей в повседневной, рутинной деятельности государства и церкви вполне соответствует концепции секуляризации. Все меняется, когда речь заходит о максимально обобщенных политических категориях, прежде всего – нации. В пространстве национализма секуляризация утрачивает силу, порождая смысловые конструкции, которые выглядят абсурдно как с позиций религии, так и с точки зрения государства.

Как замечает Брубейкер, выделенные им способы изучения отношений религии и национализма не являются ни исчерпывающими, ни взаимоисключающими: это скорее разные вопросы, чем разные ответы [Brubaker, 2012, p. 16]. Светский уклон в изучении национализма как секулярный уклон обществоведения в целом зачастую скрывает от наблюдения сложные взаимоотношения между религией и национализмом. Охарактеризованные определения «казахского ислама» показывают, что в рамках нацистроительных практик невозможно рассматривать религиозную и светскую идеологии как конкурентов, преследующих диаметрально противоположные цели. При этом идеология «казахского ислама» не может быть строго зафиксирована, поскольку таким образом она теряет весь свой консолидирующий потенциал. В результате мы имеем дело с набором противоречивых риторик, которые объединены легитимирующей силой «нации» и «бога». Органичная взаимодополняемость и взаимозаменяемость этих концептов выявляет сложную и динамичную связь религии и национализма в продвижении и легитимации смысла существования казахстанского государства.

Список литературы

- Евроислам как диалогическая стратегия современности (к философскому вопросу о диалоге культур): философская монография / Н.Л. Сейтахметова, Ш.М. Жандосова, Г.К. Курмангалиева [и др.]; под ред. З.К. Шаукуновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. – 162 с.
- Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт // Вестник РУДН. Серия Политология. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 349–365. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-349-365>
- Минаков М. Постсоветская демодернизация: период нового околдования? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 6. – С. 68–84.
- Михайлов Д.А. Роль интеллектуалов в национальном процессе: подходы и интерпретации // Федерализм. – 2014. – № 4 (76). – С. 61–74.
- Модели исламского образования в постсекулярном обществе: евразийские и европейские тренды / А.Х. Бижанова (сост.). – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2017. – 432 с.
- Ценности казахстанского общества в социологическом измерении / Г. Исмуханова, Д. Шарипова, Б. Туреханова [и др.]; под ред. Л. Гуревича. – Алматы: ТОО «DELUXE Printery», 2019. – 140 с.

- Халид А.* Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 304 с.
- Эткинд А., Минаксов М.* Постсоветский транзит и демодернизация // Идеология и политика. – 2018. – № 1 (9). – С. 4–15.
- Abdullahi Ahmed An-Naim.* Islam and the secular state: negotiating the future of Sharia. – Cambridge: Harvard University Press, 2008. – 336 p.
- Anderson B.* Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. – London: Verso, 2006. – 256 p.
- Baumgart-Ochse C.* Opposed or intertwined? Religious and secular conceptions of national identity in Israel and the Israeli-Palestinian conflict // Politics, religion & ideology. – 2014. – Vol. 15, N 3. – P. 401–420. – DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2014.948531>
- Brubaker R.* Religion and nationalism: four approaches // Nations and nationalism. – 2012. – Vol. 18, N 1. – P. 2–20. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2011.00486.x>
- Cornell S.E., Starr S.F., Tucker J.* Religion and the secular state in Kazakhstan. – Stockholm-Nacka: Institute for security and development policy, 2018. – 98 p.
- Esposito J.* Rethinking Islam and secularism. – Pennsylvania: Association of religion data archives, 1998. – 26 p.
- Karagiannis E.* The rise of political Islam in Kazakhstan: Hizb Ut-Tahrir al Islami // Nationalism and ethnic politics. – 2007. – Vol. 13. – P. 297–322. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110701293567>
- Khalid A.* A secular Islam: nation, state and religion in Uzbekistan // International journal of Middle East studies. – 2003. – Vol. 35, N 4. – P. 573–598. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020743803000242>
- Louw M.E.* Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia. – New York: Routledge, 2007. – 219 P.
- Malik B.A.* Islam in Post-Soviet Kazakhstan: experiencing public revival of Islam through institutionalisation // Asian journal of Middle Eastern and Islamic studies. – 2019. – Vol. 13, N 3. – P. 351–369. – DOI: <https://doi.org/10.1080/25765949.2019.1630576>
- Omelicheva M.Y.* Islam in Kazakhstan: a survey of contemporary trends and sources of securitization // Central Asian survey. – 2011. – Vol. 30, N 2. – P. 243–256. – DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2011.567069>
- Sturm T.* Religion as nationalism: the religious nationalism of American christian zionists // National identities. – 2017. – Vol. 20, N 3. – P. 299–319. – DOI: <https://doi.org/10.1080/14608944.2016.1255187>
- Yemelianova G.M.* Islam, national identity and politics in contemporary Kazakhstan // Asian ethnicity. – 2013. – Vol. 15, N 3. – P. 286–301. – DOI: <https://doi.org/10.1080/14631369.2013.847643>
- Saeed A.* Secularism, State Neutrality, and Islam // The Oxford Handbook of Secularism / P. Zuckerman, J.R. Shook (eds.). – New York, 2017. – 968 p.

D.A. Mikhailov, N.M. Ternov*
“Secular religion”: Islam in Kazakhstan’s nation-building

Abstract. The article explores the concept of “Kazakh Islam” in the socio-political rhetoric of modern Kazakhstan. The change in the state’s policy regarding Islam, which is gradually acquiring new meanings in the changing contexts of national construction is noticed. Four strategies for the construction of “Kazakh Islam” are identified and analyzed: state, political, theological, scientific-journalistic, each of which has its own language and logic of argumentation. The state strategy is focused on the elimination of religious topics from public discourse. The political one is actualized during the election period and serves as the basis for discussion of Kazakh identity. The theological one is focused on including a new concept in a wide ideological Islamic context. The scientific-journalistic one seeks to fill the traditional form of Kazakh Islam with modernization meanings. The separation of religious and secular areas in the daily, routine activities of the state and the church is fully consistent with the concept of secularization. But everything changes when it comes to the most generalized political categories, especially the nation. In the space of nationalism, secularization is losing its power, giving rise to semantic constructions that look absurd, both from the standpoint of religion and from the point of view of the state. The described definitions of “Kazakh Islam” show that it is impossible to consider religious and secular ideology as competitors pursuing diametrically opposite goals within the framework of national building practices. The ideology of “Kazakh Islam” cannot be strictly fixed, since in this way it would lose all of its consolidating potential. As a result, we are dealing with a set of contradictory rhetoric, which is united by the legitimizing force of “nation” and “god”. The organic complementarity and interchangeability of these concepts reveals the complex and dynamic connection of religion and nationalism in promoting and legitimizing the meaning of the existence of the Kazakh state.

Keywords: Kazakhstan; Islam; Kazakh Islam; national construction; nation building; secularism; secular Islam.

For citation: Mikhailov D.A., Ternov N.M. “Secular religion”: Islam in Kazakhstan’s nation-building. *Political Science (RU)*. 2020, N 4, P. 246–268. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.12>

* **Mikhailov Dmitrii**, Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia), e-mail: damihan@yandex.ru; **Ternov Nikolai**, Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia), e-mail: ternovnm@yandex.ru

References

- Abdullahi Ahmed An-Naim. *Islam and the secular state: negotiating the future of Sharia*. Cambridge: Harvard University Press, 2008, 336 p.
- Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 2006, 256 p.
- Baumgart-Ochse C. Opposed or intertwined? Religious and secular conceptions of national identity in Israel and the Israeli-Palestinian conflict. *Politics, religion & ideology*. 2014, Vol. 15, N 3, P. 401–420. DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2014.948531>
- Brubaker R. Religion and nationalism: four approaches. *Nations and nationalism*. 2012, Vol. 18, N 1, P. 2–20. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2011.00486.x>
- Cornell S.E., Starr S.F., Tucker J. *Religion and the secular state in Kazakhstan*. Stockholm-Nacka: Institute for security and development policy, 2018, 98 p.
- Euroislam as a dialogical strategy of modernity (on the philosophical question of the dialogue of cultures): a philosophical monograph* / N.L. Seytakhmetova [et al], Z.K. Shaukenova (eds.). Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies KN MES RK, 2013. – 162 p. (In Russ.)
- Esposito J. *Rethinking Islam and secularism*. Pennsylvania: Association of religion data archives, 1998, 26 p.
- Etkind A., Minakov M. Post-Soviet transit and demodernisation. *The Ideology and Politics Journal*. 2018, N 1 (9), P. 4–15. (In Russ.)
- Halid A. *Islam after communism: religion and policy in Central Asia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 304 p. (In Russ.)
- Karagiannis E. The rise of political Islam in Kazakhstan: Hizb Ut-Tahrir al Islami. *Nationalism and ethnic politics*. 2007, Vol. 13, P. 297–322. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110701293567>
- Khalid A. A secular Islam: nation, state and religion in Uzbekistan. *International journal of Middle East studies*. 2003, Vol. 35, N 4, P. 573–598. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020743803000242>
- Kurdryashova I.V. Contemporary Muslim political identity: the sacred text and social experience. *RUDN Journal of Political Science*. 2017, Vol. 6 (4), P. 349–365. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-349-365> (In Russ.)
- Louw M.E. *Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia*. New-York: Routledge, 2007, 219 p.
- Malik B.A. Islam in Post-Soviet Kazakhstan: experiencing public revival of Islam through institutionalisation. *Asian journal of Middle Eastern and Islamic studies*. 2019, Vol. 13, N 3, P. 351–369. DOI: <https://doi.org/10.1080/25765949.2019.1630576>
- Mikhailov D.A. Intellectual's role in national process: approaches and interpretations. *Federalism*. 2014, N 4 (76), P. 61–74. (In Russ.)
- Minakov M. Post-Soviet demodernization: a period of new enchantment. *Neprikosnovennyi zapas*. 2014, N 6, P. 68–84. (In Russ.)
- Models of Islamic Education in Post-Secular Society: Eurasian and European Trends* / A.H. Bizhanova. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies KN MES RK, 2017. – 432 p. (In Russ.)

- Omelicheva M.Y. Islam in Kazakhstan: a survey of contemporary trends and sources of securitization. *Central Asian survey*. 2011, Vol. 30, N 2, P. 243–256. DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2011.567069>
- Saeed A. Secularism, State Neutrality, and Islam // *The Oxford Handbook of Secularism* / P. Zuckerman, J.R. Shook (eds.). – New-York, 2017. – 968 P.
- Sturm T. Religion as nationalism: the religious nationalism of American christian zionists. *National identities*. 2017, Vol. 20, N 3, P. 299–319. DOI: <https://doi.org/10.1080/14608944.2016.1255187>
- Values of Kazakhstani society in sociological dimension / G. Ismukhanova [et al]; L. Gurevich (eds.). Almaty: TOO "DELUXE Printery", 2019. – 140 p. (In Russ.)
- Yemelianova G.M. Islam, national identity and politics in contemporary Kazakhstan. *Asian Ethnicity*. 2013, Vol. 15, N 3, P. 286–301. DOI: <https://doi.org/10.1080/14631369.2013.847643>